

Aleksandr Kiklevič

Kognitivnaâ teoriâ metafory : napravleniâ issledovanij

Acta Neophilologica 6, 91-99

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Александр Киклевич
Instytut Filologii Polskiej
UWM w Olsztynie

КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Данная статья представляет обзор основных направлений исследований в области когнитивной семантики, которая все более распространяется не только в западной, но и в польской лингвистике. Некоторые проблемы когнитивного описания языка рассматриваются в дискуссионном аспекте.

В когнитивных исследованиях метафоры можно выделить два блока: 1) семасиологический – описание по принципу «от средства к функции» (т.е. от области-источника к области-рецептору) и 2) ономасиологический – описание по принципу «от функции к средству» (т.е. от области-рецептора к области-источнику).

Первое направление занимается изучением порождающих возможностей конкретных концептуальных категорий в конкретных типах дискурсов. Такая схема исследования (без культивирования когнитивной терминологии) традиционно применяется не только в лексикографической практике, но и в литературоведении, прежде всего — в поэтике. Например, ее использовал М. Н. Abrams (1960) при описании метафорической и коннотативной семантики ветра в английской романтической поэзии.

Данное направление исследований определено уже в программной работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, прежде всего — применительно к ориентационным и онтологическим метафорам. Как пишут авторы, ориентационные метафоры придают понятию пространственную ориентацию, т.е. знания о пространстве представляют собой исходную область концептуализации иных, более сложных объектов; ср. концептуальную метафору HAPPY IS UP ‘счастье есть верх’ (Lakoff/Johnson 1980, 15), которая эксплицируется на базе выражений типа:

(1) *I'm feeling up today* ‘Я чувствую себя сегодня превосходно (на подъеме)’

Изучение онтологических метафор, в сущности, также направлено от области-источника к целевой области:

* Данная статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта № 2-NO1D-023-22, который финансируется фондом *Komitet Badań Naukowych*.

“Our experience of physical objects and substances provides a further basis for understanding — one that goes beyond mere orientation. Understanding our experiences in terms of objects and substances allows us to pick out parts of our experiences and treat them as discrete entities or substances of a uniform kind” (ibidem, 25).

Один из объектов когнитивного описания языка по принципу «от средств к функциям» – домена дорога/путь. Основанные на этой домене метафорические модели в религиозном дискурсе описал О. Екель (Jäkel 2002). Считается, что метафора путешествия, которая, восходит еще к Одиссею (Gibbs 1994, 188), имеет фундаментальный статус в западной культуре (Nerlich/Hamilton/Rowe 2002). Например, идея дороги/пути актуализируется при номинации болезни (Gwyn 2001, 134), ср. выражения:

- (2) *the road to recovery*
- (3) *back on the right track*
- (4) *get one step at a time*

Данная метафорическая модель активно культивировалась также в советском идеологическом дискурсе – ср. некоторые прецедентные тексты:

- (5) *Мы пойдем другим путем!* (высказывание, приписываемое В. И. Ленину)
- (6) «*Светлый путь*» (название кинофильма)
- (7) «*Путь коммунизма*» (стандартное название колхоза)

Эта базовая домена распространена и в массовом, обыденном сознании, например, отражена в номинациях:

- (8) *непутевый/беспутный/распутный/путевый человек*
- (9) *быть на перепутье*
- (10) *все путем*

Название же научной монографии *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка* (Баранов/Плунгян/Рахилина 1993) указывает на то, что идея пути выполняет моделирующую функцию также в научном тексте.

Г.И. Кустова (2000) описала механизмы семантической деривации на базе концептуальных категорий, соответствующих глаголам *ставить* и *класть*. Исследуется также то, как ориентационные и онтологические концепты (типа UP, DOWN, BACK, FRONT и типа SUBSTANCES, CONTAINERS, IMPEDIMENTS) используются для метафорического выражения абстрактных понятий (Sebeok/Danesi 2000, 78ссл.). Обобщая информацию этого рода, У. Пёрксен (Pörksen 1997, 107) констатирует, что в основе большинства схем поведения лежат визуальные образы.

Применение данного подхода к описанию фразеологизмов связано, однако, с рядом практических и теоретических сложностей. Во-первых, как показывает Д.О. Добровольский (Dobrovolskij 1995, 21сл.), фразеологизмы, в принципе, не являются носителями переносных значений, потому что их прямое значение в большинстве случаев представляется лишь гипотетическим (надо отметить, что подобная сложность возникает и при описании полисемии так называемых функциональных слов, например, предлогов, у которых трудно, а порой и невозможно выделить основное, первичное значение). Во-вторых, в сфере идиоматики наблюдается явление, которое условно можно квалифицировать как «многозначность многозначности»: идиоматические выражения, которые по своей природе представляют результат семантической деривации,

полисемичны. На примере русского фразеологизма *во всю ивановскую* это явление прекрасно продемонстрировал В.М. Мокиенко (1999, 61ссл.).

Указанные факторы существенно затрудняют соотнесение конкретных фразеологических единиц, например, английского выражения *kick the bucket* (Gibbs 1990, 422) или немецкого выражения *mit jemandem Schlitten fahren* (Dobrovolskij 1997, 44), с определенными концептуальными метафорами (в духе Лакоффа/Джонсона). Впрочем, Р. Гиббс высказывается и более радикально: содержание идиом не является прямым отражением концептуальных метафор.

Другое направление исследований заключается в том, что исходным объектом изучения является область-рецептор, а задача исследователя состоит в экспликации способов ее метафорического моделирования. Такой подход применяется в работе Nerlich/Hamilton/Rowe 2002. Авторы рассматривают разнообразные метафорические модели представления охватившей Великобританию эпидемии *foot and mouth disease*. Другие исследователи описывают пространственные метафоры концептов ПОРЯДОК и БЕСПОРЯДОК, в основе метафорического представления которых лежат концепты прямой и кривой (Leeuwen-Turnovcová (1994), исследуют стереотипные метафорические модели, используемые в научном дискурсе (Ohlhoff 2002). Так, для представления биологического концепта ИМУННАЯ СИСТЕМА используются милитарные понятия: оппозиция ТЕЛО – БОЛЕЗнь интерпретируется как оппозиция СВОЙ – ВРАГ. Метафорическим номинациям в таких областях, как политика и экономика, посвящены исследования: Jäkel 1994; Кобзева 2001; Баранов 2001 и др.

В словаре А. Н. Баранова/Ю. Н. Караулова (1994) объектом описания являются термины политического дискурса. Для каждого понятия эксплицируется ряд метафорических моделей. Например, концепт политика представляется в русском политическом дискурсе с помощью понятий: ПАСЬЯНС, ПЕРЕКРЕСТОК, ТЕАТР, НЕБОСКЛОН, ШАХМАТНАЯ ИГРА, АЙСБЕРГ, ЛАНДШАФТ, ЖИЗНЬ, БУЛЬОН, ВЕТЕР, ВОЙНА, ЖИДКОСТЬ и др.

Как показывает М. Пиленц (Pielenz 1995, 78), одна и та же научная область в разных парадигмах концептуализируется с помощью разных метафор:

LINGUISTIK IST GESETZ	– в дескриптивной лингвистике
LINGUISTIK IST BIOLOGIE	– в компаративистике
LINGUISTIK IST SCHEMIE	– в структурной лингвистике
LINGUISTIK IST MATHEMATIK	– в генеративной лингвистике
LINGUISTIK IST KOGNITIVER PROZESS	– в когнитивной лингвистике

Одним из наиболее часто встречаемых объектов описания этого типа является сфера эмоций и чувств. Наверное, это не случайно, ведь, как отмечают исследователи (Hoffman/Waggoner/Palermo 1991, 167), число рассматриваемых в литературе эмоций и чувств очень велико – от 50 до более чем 400 единиц. Поэтому так непросто определить список первичных элементов данной концептуальной области. Насчитывается также около двух десятков применяемых к данной области дескрипторов (dimensions), например таких, как: ПРИЯТНЫЙ – НЕПРИЯТНЫЙ, ВНИМАНИЕ – ПОКОЙ, ОТКЛОНЕНИЕ – УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, НАТУРАЛЬНОСТЬ – ИСКУССТВЕННОСТЬ и др. (ibidem). Для семантического представления понятия ЗАВИСТЬ С.Г. Воркачев (1998, 41ссл.) использует шесть признаков: 1) ценность (благо); 2) отрицательность (раздражение); 3) сопряженность с желанием; 4) векторность (желание чужого блага); 5) удвоенность объекта (чужое блага); 6) недостижимость объекта (бессильное желание).

Дж. Лакофф/М. Джонсон (op. cit., 58) указывают на то, что в сфере концептуализации эмоций актуализируются ориентационные метафоры, основанные на регулярных корреляциях между эмоциями и сенсорно-моторным опытом человека, т.е. образными схемами типа «верх — низ» (при том, что положительные эмоции ассоциируются с идеей верха, а отрицательные — с идеей низа). В исследованиях З. Кёвечеша (Kövecses 1990; 2002 и др.) акцент ставится на структурных метафорах эмоций, ср. метафорические проекции страха:

ANGER IS HOT FLUID IN A CONTAINER: *She is boiling with anger*

ANGER IS FIRE: *He's doing a slow bum. His anger is smoldering*

ANGER IS INSANITY: *The man was insane with rage*

ANGER IS AN OPPONENT IN A STRUGGLE: *I was struggling with my anger*

ANGER IS A BURDEN: *He carries his anger around with him*

ANGRY BEHAVIOR IS AGGRESSIVE ANIMAL BEHAVIOR: *Don't snarl at me!*

ANGER IS A CAPTIVE ANIMAL: *He unleashed his anger* и т.д.

Недостатком такого подхода, считают В.Ю. Апресян/Ю.Д. Апресян (1993, 29), является то, что «некоторые метафорические сближения кажутся продиктованными не столько устоявшейся языковой практикой, сколько единичными употреблением». Авторы указывают, что, например, представление Дж. Лакоффом концепта любви с помощью модели путешествия, как и многие другие метафорические экспликации, недостаточно обоснованы и произвольны. Другой недостаток рассматриваемого подхода состоит в альтернативности метафорических моделей (см. далее). В связи с этим В.Ю. Апресян/Ю.Д. Апресян отдают предпочтение такому направлению исследований, которое позволяло бы эксплицировать «мотивирующие образы для больших классов симптоматических и других метафорических выражений» (ibidem, 30). В качестве таких образов рассматриваются телесные ассоциации: СТРАХ — ХОЛОД, ОТВРАЩЕНИЕ — НЕПРИЯТНЫЙ ВКУС, ЖАЛОСТЬ — ФИЗИЧЕСКАЯ БОЛЬ, СТРАСТЬ — ЖАР и др. Напротив, представленные в литературе в широком ассортименте структурные метафоры типа ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, РАДОСТЬ — ЭТО ЛЕГКАЯ ЖИДКОСТЬ, СТРАХ — ЭТО СПРУТ вызывают сомнения, потому что в их основе лежат слишком далекие, неочевидные с практической точки зрения ассоциации.

К рассматриваемому здесь второму направлению исследований относится, в частности, когнитивно-семантическое описание категории степени. Семантика степени носит абстрактный характер, поэтому не удивительно, что наряду со специализированными лексическими маркерами типа *очень, слишком, довольно, достаточно, предельно* и др., которые подробно описаны в работе: Jachnow/Norgran/Surrun 2001, для номинации степени широко используются также фигуративные — метафорические и метонимические средства.

Наиболее стабильная и, с эмпирической точки зрения, мотивированная основа непрямых номинаций степени — это образные схемы типа «верх — низ», которые, в терминологии Лакоффа/Джонсона составляют базу ориентационных метафор, например: MORE IS UP или LESS IS DOWN, ср.:

(11) *The number of books printed each year keeps going up*

(12) *His draft number is high*

(13) *My income rose last year*

(14) *The number of errors he made is incredibly low*

На градуальную интерпретацию как одну из возможных интерпретаций образной схемы «верх — низ» указывает также Дж. Р. Тайлор (Taylor 1989, 136).

При когнитивно-семантическом описании идиом Д. О. Добровольский (Dobrovolskij 1995; 1997) ориентируется на так называемый базовый уровень (трехступенчатую иерархию концептуальных категорий, как известно, предложила и обосновала Э. Рош), поэтому естественно, что степень как понятие надбазового уровня остается за кадром. Так, выражение *brüllen wie ein Stier* рассматривается в категории «Физико-акустические параметры речевого акта» (а не в специальной «квантитативной» категории). Идиоматическим выражениям *sich im Ton vergreifen*, *sich den Mund verbrennen*, *sich die Zunge verbrennen* и т.п. приписывается дескриптор «выражаться очень неуместно», однако отдельный слот „степень” в данной вербально-когнитивной структуре не эксплицируется.

Впрочем, при описании идиоматических номинаций речевой деятельности Добровольский выделяет такой аспект, как «Квантитативный параметр речевого акта», различая при этом три субдиректории: 1) говорить очень много: *reden wie ein Buch*; 2) говорить, передавая небольшое количество информации: *jemandem auf die Folter spannen*; 3) беспрестанно спрашивать: *jemandem ein Loch in den Baum fragen*.

С. Дённингхауз (2001) систематизировала способы метафорической номинации степени (а именно – высокой неопределенной степени) в русских (конвенциональных и неконвенциональных) выражениях модели $S [...] + S [gen]$ – таких, как *more улыбок*, *лес рук*, *эскадра белых лебедей*, *половодье электрических огней* и др. В основе большинства подобных номинаций лежат пространственные признаки, но не только. Дённингхауз выделяет в данной области также социально мотивированные метафоры типа *толпа фонарей* и метафоры-контейнеры типа *сундуки сюжетов*. В выводах, в частности, отмечается, что система метафор, используемых для обозначения высокой неопределенной степени, более дифференцирована, чем соответствующая система метафор низкой степени. Дённингхауз объясняет это большей сложностью когнитивной обработки семантики высокой степени.

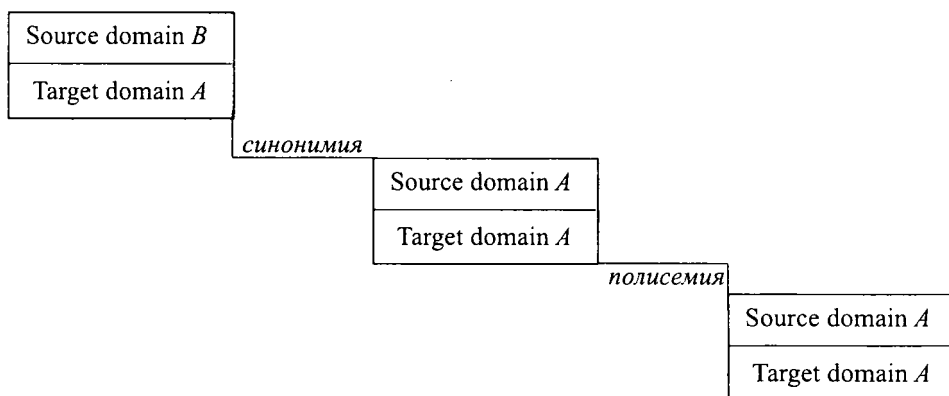
Различие подходов «от средства к функции» и «от функции к средству» вытекает из самой сущности когнитивной теории метафорической репрезентации, которая базируется, в частности, на двух фундаментальных постулатах (см.: Jäkel 1997; 1998; 2002): а) постулате однонаправленности (unidirectionality hypothesis) и б) постулате потребности (necessity hypothesis).

Согласно первому постулату, концептуальная метафора X есть Y связывает абстрактную, сложную с точки зрения концептуализации предметную область X с предметной областью Y , которая «открыта» для чувственного восприятия и, следовательно, может быть использована как средство интерпретации X .

В соответствии с постулатом потребности, объяснительная функция метафор наиболее отчетливо проявляется при номинации абстрактных концептуальных областей, теоретических конструктов и метафизических понятий, которые не поддаются прямому чувственному восприятию и которые вряд ли могли бы быть осмыслены неметафорически. Воплощенная в метафоре связь абстрактного и конкретного (чувственного) является существенным биофизическим свойством познавательной деятельности, обеспечивает единство и когеренцию человеческого опыта.

Согласно данным постулатам выбор аргументов метафорической проекции не случаен: метафорические модели позволяют представить сложную концептуальную область в терминах простой, поддающейся прямому, чаще всего — визуальному восприятию (Лджел 1998, 102). Сущность многих онтологических метафор практически сводится к форме: абстрактное — это конкретное. И все-таки данная однонаправленность относительна.

Семантические отношения в области концептуальных метафор соответствуют широко известному, предложенному С. О. Карцевским асимметрическому дуализму знака:

Полисемия в области концептуальных метафор проявляется в том, что одна и та же базовая схема (например, «верх — низ») может использоваться в разных метафорических моделях. Синонимия же заключается в том, что разные базовые схемы используются для концептуализации одной и той же понятийной категории. Как указывает А.А. Зализняк (2000), не существует единственного способа метафорического представления одной идеи в разных идиомах, что подтверждается, например, на материале метафор страха (Kövecses 1990, 70сл.; Dobrovolskij 1997, 187).

Нельзя не заметить, что такой способ концептуализации чрезвычайно неудобен: мы не располагаем какой-либо общей, стабильной моделью воспринимаемого объекта и в зависимости от ситуации вынуждены переключаться с одной метафорической модели на другую: СТРАХ — это жидкость в контейнере ⇔ СТРАХ — это злой враг ⇔ СТРАХ — это мучитель ⇔ СТРАХ — это болезнь ⇔ СТРАХ — это надприродная сущность ⇔ СТРАХ — это противник ⇔ СТРАХ — это стихия ⇔ СТРАХ — это начальник...

Постулатам однонаправленности и потребности противоречат факты, когда область-источник и область-рецептор взаимно конвертируются. Так, в речевом материале отражается не только использование понятийной категории война с целью представления категории спор, но и обратное употребление этих категорий:

- (15) Противник *ответил* новой атакой
- (16) *ответный* огонь
- (17) наш *ответ* Чемберлену
- (18) атака была *неубедительной*
- (19) *голоса* орудий

(20) *Хочу, чтоб к штыку приравняли перо* (В. Маяковский)

Означает ли это, что наряду с концептуальной метафорой спор – это война в познавательной системе действует также концептуальная метафора война – это спор? Если это так, то постулаты потребности и однонаправленности нерелевантны.

Концептуальные конверсивы нередко встречаются в художественной речи. Ср. концептуальные метафоры ПРИРОДА — это ЧЕЛОВЕК и ЧЕЛОВЕК — это ПРИРОДА у А. Пушкина и Б. Пастернака:

(21) *Роняет лес багряный свой убор*

(22) *Ты так же сбрасываешь платья,
Как роца сбрасывает листья*

Интересным примером подобной концептуальной амбивалентности является «Стихотворение о снеге в апреле» (“Gedicht über Schnee im April”) J. Beckera:

(23) *April-Schnee; schnell noch einmal
ist fünfzehn Minuten
Winter und völliges Verschwinden
der Krokus-Gebiete*

und

*fünfzehn Minuten, in Zukunft,
sagt Warhol, ist Ruhm. Schnell,
ein Gedicht über Schnee im April,
denn schnell ist weg
Stimmung und Schnee*

und plötzlich,

*metaphorisch gesagt,
ist Schnee-Herrschaft verschwunden
im Krokusgebiet
und die Regierung des Frühlings regiert.
Nun Frühlings-Gedicht.
Und schnell. Winter ist morgen, wieder,
und neue Herrschaft,*

nein,

*nicht morgen: in fünfzehn Minuten,
mit Schnee, wie schnelles Leben,
sagt Warhol, metaphorisch gesagt,
wie Schnee, Verschwinden, April.*

Своеобразие этого стихотворения заключается в том, что двунаправленность метафоры порождает своеобразную диссипативность текста: в первой части стихотворения используется метафорическая модель ПРИРОДА — это ЧЕЛОВЕК. С помощью этой модели изменения в природе представляются в политических терминах — как смена власти. В другой же части стихотворения метафорическая модель кардинально меняется: ЧЕЛОВЕК – это ПРИРОДА. Теперь уже природа становится объяснительной схемой человека: АПРЕЛЬ – это своего рода модель короткой человеческой жизни, в которой немного радости и немного грусти...

В экспликациях концептуальных метафор не всегда сохраняется принцип восхождения от конкретного к абстрактному. Так, З. Кёвечеш (Kövecses 2002, 138)

пишет, что большинство категорий в сознании (например, вся эмоциональная сфера человека) концептуализируется с помощью схемы взаимодействия сил (агониста и антагониста). Думается, однако, что сама эта схема является результатом значительной абстракции, и можно сомневаться, является ли она базой концептуализации эмоций в обыденной репрезентативной деятельности человека.

В этом обнаруживается очередной парадокс когнитивной теории метафоры. Концептуальная проекция, например, эмоции – это живые существа, позволяет перенести некоторый признак из домены живые существа в домену эмоции. Но трудно понять, почему в нашем сознании имеется закодированный символ концептуальной категории (например, эмоции), но нет символов для входящих в эту категорию признаков — сущностей более низкого уровня абстракции.

В течение последних двух десятилетий появилась обширная когнитивная литература об эмоциях. При этом исследователи не замечают факта, что собственно названия эмоций не метафоричны: *страх, сожаление, радость, печаль* и т.д. Нельзя согласиться с мнением, что «в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, эмоции очень непросто перевести в слова» (Апресян/Апресян 1993, 27-29). Потребность в метафорической номинации (и в актуализации соответствующей метафорической модели) возникает тогда, когда предикаты эмоций (двуместные предикаты второго порядка, ср.: *X радуется оттого, что имеет место S*) выступают в контексте предикатов высшего порядка, например, фазовых или фактивных:

- (24) *Страх прошел*
- (25) *Охвачен печалью*
- (26) *Поразила догадка*
- (27) *Мучают сомнения*

Потребность в метафорической номинации возникает – прежде всего в обыденной коммуникации – применительно к предикатам высшего порядка. Таким образом, разгадка метафоры, может быть, как раз и кроется в той самой пропозициональной («объективистской») семантике, которую категорически отвергли Дж. Лакофф и М. Джонсон.

Литература

- Апресян, В.Ю./Апресян, Ю.Д. (1993), *Метафора в семантическом представлении эмоций*. В: Вопросы языкознания. 3. С. 27-35.
- Баранов, А. Н.(2001), *Метафорическая интерпретация понятия «коррупция»: языковые грани онтологизации бессознательного*. В: *Текст. Интертекст. Культура*. Москва. С. 572-593.
- Баранов, А.Н./Плунгян, В.А./Рахилина, Е.В. (1993), *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. Москва.
- Воркачев, С.Г. (1998), *Зависть и ревность: к семантическому представлению моральных чувств в естественном языке*. В: *Известия АН. Серия языка и литературы*. 57. № 3. С. 39-45.
- Дённингхауз, С. (2001), *Море людей и пропасть цветов. Метафоры неопределенного количества*. В: Kiklevič, A. (Hrsg.), *Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*. München. S. 61-75.

- Зализняк, А.А. (2000), *Заметки о метафоре*. В: *Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к 70-летию академика Ю.Д. Апресяна*. Москва. С. 82-90.
- Кобзева, И.М. (2001). *Семантические проблемы анализа политической метафоры*. В: *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. № 9. С. 132-148.
- Кустова, Г.И. (2000), *Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений*. В: *Вопросы языкознания*. № 4. С. 85-109.
- Мокниенко, В.М. (1999), *Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии*. Санкт-Петербург.
- Abrams, M.H. (1960), *The Correspondent Breeze. A Romantic Metaphor*. В: Abrams, M. H. (ed.). *English Romantic Poets. Modern Essays in Criticism*. New York. P. 37-54.
- Dobrovol'skij, D. (1995), *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome*. Tübingen.
- Dobrovol'skij, D. (1997), *Idiome im mentalen Lexikon. Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung*. Trier.
- Gibbs, R.W. (1990), *Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomacity*. In: *Cognitive linguistics*. 1-4. P. 417-451.
- Gibbs, R.W. (1994), *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. Cambridge.
- Gwyn, R. (2001), *Communicating Health and Illness*. London.
- Hoffman, R.R./ Waggoner, J. E./Palermo, D. S. (1991), *Metaphor and Context in the Language of Emotion*. В: Hoffmann, R. R./Palermo, D. S. (eds.). *Cognition and the Symbolic Processes: Applied and Ecological Perspectives*. Hillsdale/New Jersey/Hove/London. P. 163-186.
- Jachnow, H./Norman, B./Suprun, A. E. (Hrsg.) (2001), *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien*. Wiesbaden.
- Jäkel, O. (1994), *Wirtschaftswachstum oder Wir steigen das Bruttosozialprodukt: Quantitäts-Metaphern aus der Ökonomie-Domäne*. В: Bungarten, T. (Hrsg.). *Unternehmenskommunikation. Linguistische Analysen und Beschreibungen*. Tostedt. S. 84-101.
- Jäkel, O. (1997), *Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft*. Frankfurt a.M./Berlin/Bern/New York/Paris/Wien.
- Jäkel, O. (1998), *Diachronie und Wörtlichkeit: Problembereiche der kognitiven Metapherntheorie*. В: Ungerer, F. (Hrsg.), *Kognitive Lexikologie und Syntax*. Rostock. S. 99-118.
- Jäkel, O. (2002), *Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor (Applied to Religious Texts)*. В: <http://www.metaphorik.de>.
- Kövecses, Z. (1990), *Emotion Concepts*. New York.
- Kövecses, Z. (2002), *Language, emotion, mind*. В: Lewandowska-Tomaszczyk, B./Turewicz, K. (eds.). *Cognitive Linguistics Today*. Frankfurt am Main/Berlin/Bern et al. P. 125-138.
- Lakoff, G./Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live By*. Chicago/London.
- Leeuwen-Turnovcová, J. van (1994), *Taub, Blind, stumm und dumm: Zur Semantik der Abweichung vom Gewohnten*. В: *Zeitschrift für Slawistik*. 39/4. S. 545-559.
- Nerlich, B./ Hamilton, C.A./ Rowe, V. (2002), *The Socio-Cultural Role of Metaphors, Frames and Narratives*. В: www.metaphorik.de. 2.
- Ohlhoff, D. (2002), *Das freundliche Selbst und der angreifende Feind. Politische Metaphern und Körperkonzepte in der Wissensvermittlung der Biologie*. В: www.metaphorik.de.
- Pielenz, M. (1995), *Argumentation und Metapher*. Tübingen.
- Pörksen, U. (1997), *Welt markt der Bilder*. Stuttgart.
- Sebeok, T.A./Danesi, M. (2000), *The Forms of Meaning. Modeling Systems Theory and Semiotic Analysis*. Berlin/New York.
- Taylor, J. R. (1989), *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford.